

ОРДЕРНАЯ АРХИТЕКТУРА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ VI—V вв. до н. э.

Античные полисы на территории Северного Причерноморья — очаги эллинской культуры — сохранили традиции, сформировавшиеся в общественной жизни, политической организации, экономическом укладе и культовых обрядах метрополии. В ранней архитектуре метрополии и колоний ордерные сооружения были представлены преимущественно храмами и святилищами, в строительных формах которых строгая приверженность канону, характерная для культовой архитектуры, прослеживается яснее всего. Эти постройки, доминирующие над остальной массой скромных частных жилищ, определяли лицо города. Восстановление основных монументальных сооружений города по ордерным конструкциям и фундаментам, возможное благодаря каноничности ордерной архитектуры, позволяет воссоздать облик городского ансамбля в целом.

Поскольку полностью сохранившихся античных храмов в Северном Причерноморье не обнаружено, приходится оперировать архитектурными деталями и фундаментами зданий, открытыми в результате археологических раскопок. Обилие и качество архитектурного материала говорит о том, что в северопонтийских городах были храмы и ордерные постройки самой разнообразной композиции, по художественным достоинствам не уступавшие средиземноморским. В этом аспекте ордерные детали — наиболее достоверный материал по архитектуре, освещающий уровень искусства, строительного дела и экономические возможности местных строителей.

Существенным источником информации о храмах Северного Причерноморья служат надписи. Данные лапидарной эпиграфики говорят о довольно полно представленном здесь пантеоне олимпийских божеств. В силу этого становится очевидным существование большого количества еще не раскрытых ордерных сооружений. Локализация находок надписей позволяет целенаправленно искать или идентифицировать уже найденные архитектурные комплексы. Прямые указания в надписях о посвящении храмов определенному божеству и упоминание должностных лиц при храмах — жрецов, посвящавших благодарственные приношения, дают *terminus ante quem* сооружений и позволяют определить период их существования.

В надписях Боспора с начала IV в. до н. э. упоминаются жрецы и строители храмов Аполлона¹, Деметры², Артемиды Эфесской³ и Артемиды Агротеры⁴. Следовательно, эти храмы существовали уже, по крайней мере, в V в. до н. э.

¹ КБН, № 6 (Герчь): «Стратокл за отца своего Динострата, отбывшего срок жречества, посвятил Аполлону Врачу». КБН, № 10 (Герчь, гора Митридат): «Сатирнон, сын Патека, отбыв срок жречества, посвятил Аполлону Врачу». КБН, № 25 (Герчь): «Левкон, сын Перисада, отбыв срок своего жречества, посвятил эту статую Аполлону Врачу». Несколько ранних посвящений Аполлону найдено в Гермонассе в районе бывшей турецкой крепости, около раскопа Пуленцова: КБН, № 1037—1039, 1044, последняя относится к более позднему времени (II в. до н. э.): «...Каллон, сын Каллопа, окончив срок своего жречества, посвятил статую Аполлону Врачу». По-видимому, отсюда же происходит и относящееся к культу Аполлона фрагментированное посвящение КБН, № 1042: «...сына Агия, посвятившего алтарь..., жречеству при Перисаде, архонте Боспора и Феодосии и царе синдов и торетов...». По обилию посвященных надписей, найденных близ раскопа Пуленцова, создается впечатление, что священный участок древней Гермонассы находился от него на недалеком расстоянии. Существование третьего храма Аполлона на Боспоре засвидетельствовано фанаторийской надписью, датированной концом IV в. до н. э. (КБН, № 974): «Феофил, сын Санха, отбыв жречество, Аполлону Врачу». Другая фрагментированная надпись IV в. до н. э., найденная там же, у хутора П. Семеняки, упоминает храм и гимназий в Фанатории (КБН, № 991).

² КБН, № 8: «Креуса, дочь Медонта, Деметре посвятила, будучи жрицей», и КБН, № 14: «Аристоника, жрица Деметры, дочь Ксенокрита, посвятила Деметре». Обе надписи, датирующиеся также IV в. до н. э., найдены в Пантикапее.

³ КБН, № 6А (Герчь): «Такая-то, дочь Нимфея, посвятила алтарь Артемиде Эфесской, будучи жрицей» (начало IV в. до н. э.). О храме Артемиды Эфесской в Гермонассе говорит посвящение второй половины IV в. до н. э., открытое в числе других votivных надписей в стене Покровской церкви — (КБН, № 1040): «Такая-то, будучи жрицей, посвятила статую Артемиде Эфесской».

⁴ КБН, № 1014: «Ксеноклид, сын Посия, посвятил храм Артемиде Агротере».

Ценнейшим историческим источником, сообщающим о трех знаменитых эллинских святилищах Северного Причерноморья — Ахилла — на о-ве Левке, Девы — на мысе Парфений и Артемиды — на Азиатском Боспоре — служат известия античных авторов.

О храме Девы (Артемиды) на мысе Парфений сообщают: Геродот (IV, 12, 103), Эврипид (Iph. in Taur. 85—95), Диодор Сицилийский⁵, Овидий (SC, II, стр. 96, 85), Страбон (у Стефана Византийского) (SC, I, стр. 264) и Блосий Эмилий Драконтий (SC, II, стр. 431). Эврипид и Овидий говорят о нем подробнее, чем другие авторы, однако достоверность и вымысел в их поэтическом творчестве разграничить довольно сложно. Если описание храма, данное Эврипидом, считать достоверным, то получается достаточно яркая картина: «За высокими венцами ограждающих стен стоит храм на высоком степеобате, двери закрыты на медные запоры, проникнуть незаметным в него невозможно. Храм увенчан «золатыми карнизамы и обрамлен прекрасными колоннами»⁶. Во всяком случае, из описания Эврипида можно сделать заключение о монументальности строения и до некоторой степени о его нарядном ордерном декоре.

Овидий совершенно определенно говорит о том, что еще и ныне (т. е. в его время) на мысе Парфений стоит храм, опирающийся на огромные колонны (SC, II, стр. 96) с двустворчатой дверью (SC, II, стр. 85).

Место и мыс Парфений, имеющий 100 стадий, как пишет Страбон, — «названы по имени какого-то божества и мыс и храм и статуя Парфений» (SC, I, стр. 264). Местоположение мыса Бараний Лоб указано у Птолемея в градусах⁷, однако до настоящего времени поиски святилища не увенчались успехом.

Храм Афродиты Апатуры был, очевидно, и в городе Фанагории, но главное святилище этой богини, которое может быть причислено к общегреческим, находилось на берегу залива неподалеку от города. О нем говорит Стефан Византийский: «Апатур, святилище Афродиты в Фанагории. Гекатей знает залив Апатур в Азии»⁸. Получается, что залив носит эпитет Афродиты и общеизвестного святилища. Плиний сообщает, что святилище Апатур находилось неподалеку от Фанагории: «При входе в Боспор лежат города: во-первых, Гермонасса, затем милетская колония Кепы, далее Стратоклея и Фанагория, почти опустелый Апатур»⁹. Это же подтверждается и свидетельством Страбона: «Вступившему в Корокондамское озеро представляется значительный город Фанагория, затем Кепы (сады), Гермонасса и Апатур, святилище Афродиты» (XI, 2, 10). И далее: «Есть и в Фанагории известное святилище Афродиты Апатуры, т. е. обманчивой» (там же). Возможно, храм божества в самом городе находился на акрополе, о существовании которого свидетельствует Аппиан. По-видимому, акрополь был достаточно надежно защищен высокими стенами, так как из рассказа Аппиана следует, что осада его длилась долго и безуспешно¹⁰.

Свод источников, посвященных острову Левке, был составлен около 150 лет тому назад Келером¹¹, затем пересмотрен В. В. Латышевым¹² и И. Толстым, посвятившим культу Ахилла монографию¹³. Мы не будем останавливаться на топографии и хроно-

Камень с этой надписью был обнаружен в фундаменте храма (?) в начале XIX в. на горе у западного берега Ахтанизовского лимана после землетрясения в образовавшейся трещине. См. К. К. Герц, Археологическая топография Таманского полуострова, СПб., 1898, стр. 153—156; М. М. К о б ы л и н а, Фанагория, МИА, № 57, стр. 59; Н. И. С о к о л ь с к и й, Находки на вершине горы Бориса и Глеба на Таманском полуострове, СА, 1957, № 1, стр. 244 сл.

⁵ D i o d., IV, 44=SC, I, стр. 464.

⁶ E u r., Iph. in Taur. 85—95.

⁷ P t o l., III, VI, 2=SC, I, стр. 233.

⁸ H e k a t., fr. 165 (Müller)=SC, I, стр. 2.

⁹ P l i n., NH, 6, 15=SC, II, стр. 180.

¹⁰ A p p., Mithr. 12=SC, I, стр. 532.

¹¹ Н. К. Е. К о е h l e r, Mémoire sur les îles et la course consacrées à Achille dans le Pont-Euxin, Petersbourg, 1826.

¹² В. В. Л а т ы ш е в. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии, СПб., 1887, стр. 52—61.

¹³ И. Т о л с т о й, Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте, Пг., 1918; ср. М. И. Р о с т о в ц е в, Новая книга о Белом острове и Таврике, ИАК, 65, 1918, стр. 177 сл.

логических пластах античной традиции, так как это не составляет тему нашего исследования. Отметим лишь то, что касается непосредственно храма Ахилла на острове.

О храме на Левке упоминают Антигон Каристский (SC, I, стр. 410—411), Павсаний (стр. 572), Арриан (стр. 225), перипл Анонима (возможно, сам Арриан, во всяком случае отрывок о Левке целиком заимствован у последнего—стр. 287), Максим Тирский (стр. 591) и Солин (SC, II, стр. 280). Упомянув храм Ахилла, Антигон Каристский сообщает, что ни одна птица не может при полете подняться выше Ахиллова храма. Однако это свидетельство скорее всего говорит не о величине храма, а о святости места. На острове есть и алтари Ахилла (SC, I, стр. 591) и могильный курган (SC, II, стр. 172).

По свидетельству Арриана в храме находилось много греческих и латинских надписей, прославлявших героя в стихах разнообразной метрической формы (Peripl. 32).

Заслуживают упоминания находки, сделанные на о-ве Левке в ходе небольших археологических раскопок. В первую очередь сюда относится ионийский сосуд с посвятельной надписью Главка¹⁴, подписной кратер Эпиктета¹⁵, большое количество гемм и перстней¹⁶, более двух тысяч монет¹⁷, декрет ольвинополитов и посвящение Ахиллу IV в. до н. э.¹⁸ Казалось бы, исследование острова, давшего с самого начала столь обильные находки, должно было привлечь внимание археологов, тем более, что в 1830 г. была издана карта капитана Критского с планом острова и с указанием сохранившихся фундаментов «храма»¹⁹.

В 1841 г. большие блоки, составлявшие фундамент «храма», были выкопаны из земли, а карнизы разбиты на куски. «Этот вандализм,— пишет Н. Мурзакевич,— был совершен с тем усердием, что от Ахиллова храма не осталось камня на камне. От всего фундамента, стен и карнизов уцелело лишь несколько отдельных кусков, и эти обезображенные остатки убедительно свидетельствуют об изысканности бывшего храма... Он был построен из плотного белого известнякового камня, очень похожего на мрамор и, кажется, добытого на месте»²⁰.

В Одесском Государственном археологическом музее хранится часть ионийской колонны из такого известняка б/№, выс. 0,92 м. Д diam. 0,88 — 0,92 м (рис. 1). Размеры барабана свидетельствуют о монументальности памятника, которому принадлежала колонна. Датировочными особенностями фуста колонны являются дорожки между ее 30 каннелюрами. Вместо обычной в ионийском ордере гладкой дорожки на одесском барабане мы видим парные вертикальные валики. Подобное устройство дорожек, так же как и их количество, засвидетельствовано только для архаического времени. По диаметру барабана можно судить о высоте колонны, равной 9 диаметрам, т. е. около 8 м (0,9 м × 9). Колонна могла быть и вотивной²¹.

Как поступил Н. Мурзакевич с остальными деталями — неясно. Во всяком случае, в Одесском музее их нет. «Тщательно отделанные» архитектурные детали, по-видимому, так и остались лежать на острове или пошли на постройку маяка, который и ныне стоит на о-ве Левке.

Все три святилища служат наиболее яркими примерами самостоятельных, находящихся вне города, отдельно стоящих архитектурных комплексов. Храм и алтарь Девы вписывался в пейзаж скалистого обрыва мыса Парфений. Храм Ахилла, возвышавшийся над островом, был окружен рощей священных вязов и тополей.

¹⁴ Толстой, ук. соч., стр. 12, 13, 23, 30; Н. Мурзакевич, Эллинические памятники, найденные в Новороссийском крае. II. На острове Левке или Фидониси, ЗООИД, II, 1850, стр. 414, сл. табл. XIII.

¹⁵ Мурзакевич, там же.

¹⁶ Там же; Н. Мурзакевич, Поездка на остров Левки или Фидониси в 1841 г., ЗООИД, I, 1844, стр. 556.

¹⁷ Мурзакевич, Эллинические памятники..., стр. 414.

¹⁸ IOSPE, I², № 325, 326.

¹⁹ E. Taitbout de Marigni, Plans de golfes, baies, ports et rades de la Mer Noire et de la Mer d'Azov levés, recueillis, ou corrigés, Odessa, 1830, табл. XXVI.

²⁰ Мурзакевич, Поездка. ..., стр. 549, 554.

²¹ Мы не рискуем отнести ее к храму Ахилла, скорее, она относилась к памятнику Ахилла на погребальном кургане или представляла собой отдельно стоящую колонну подобно дельфийской.

Другой тип архитектурных комплексов представляют святилища, находящиеся в самом городе, тесно связанные с городским архитектурным ансамблем. Археологические раскопки на акрополе Пантикаея, на территории священных участков Ольвии и Нимфея дали надежно датированные архитектурные остатки, по которым можно проследить и реконструировать композицию, планировку и период существования святилищ, сопоставив их с упоминаниями ландшафтных и литературных источников.

Храм Аполлона в Пантикее, вместе с окружающим его культовым комплексом²², позволяет воссоздать облик одного из самых монументальных в Северном Причерноморье святилищ городского типа.

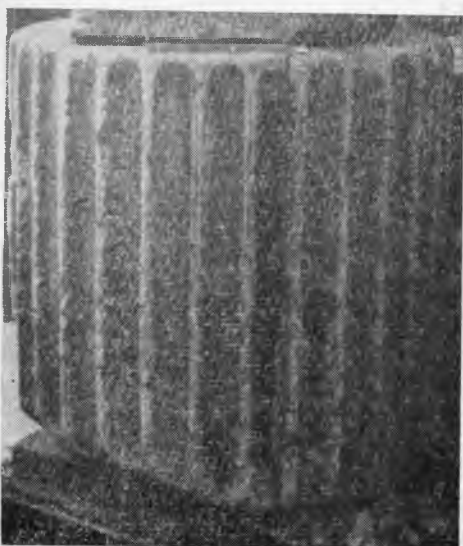

Рис. 1. Барабан архаической ионийской колонны, о. Левка

Основным материалом для воссоздания облика храма Аполлона на вершине горы Митридат являются очень крупные детали ионийского ордера, найденные в разное время на акрополе Пантикаея; по ним и определяется местоположение храма. Планировка храма и его фасад восстанавливаются комплексным методом — по аналогиям с памятниками Средиземноморья и по принятой при реконструкциях модульной системе. Схема реконструкции этого храма, разработанная В. Д. Блаватским, дополнена привлечением новых материалов, позволивших уточнить ее детали. К этому зданию относятся три спира, два торуса, ионийская капитель и архитрав с двумя подкарнизными блоками, моделированными ионийскими овами. Все детали ордерного декора, которые были найдены экспедицией В. Д. Блаватского, хранятся в ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москве. Ионийская капитель и один из подкарнизных блоков с овами находятся

в Керченском историко-археологическом музее. До сих пор эти детали не сопоставлялись, и отношение капители к этому же храму не определялось. Архитрав, спира и торусы, обнаруженные рядом на небольшом Верхнемитридатском раскопе, В. Д. Блаватский по всей справедливости относит к одному и тому же сооружению, ибо на акрополе Пантикаея едва ли могли стоять одновременно два столь монументальных здания²³. Мы присоединяемся к мнению Ю. Ю. Марти, издавшему ионийскую капитель в 1937 г. (инв. № 3587), что она «дополняет наши представления о величии и красоте акрополя Пантикаея»²⁴. Как удалось выяснить, эта капитель (рис. 2) хронологически может принадлежать тому же монументальному храму: как по характеру материала (золотисто-желтоватому мелкозернистому известняку — брекчиевому меотису), так и по размерам (ширина капители равна диаметру баз: $0,86 = 0,86$) она полностью соответствует базам малоазийского типа, открытым В. Д. Блаватским в 1945 г. То, что перед нами элементы одной и той же ордерной постройки, — несомненно.

²² Большая часть ордерных конструкций храма, так же как и фрагменты стоявших вокруг алтарей, открыты экспедицией В. Д. Блаватского. Исследователем разработана схема реконструкции храма, которая подкрепляется привлечением новых материалов. См. В. Д. Блаватский, Строительное дело Пантикаея по данным раскопок 1945—1949 и 1952—1953 гг., МИА, № 56, стр. 29 сл.

²³ Блаватский, ук. соч., стр. 29 сл.

²⁴ Ю. Ю. Марти. Путеводитель по Керченскому историко-археологическому музею. Симферополь, 1937, стр. 9.

Пропорциональный анализ сохранившихся деталей подтверждает это. Соотношение верхнего диаметра колонны, примыкавшего к капители, и нижнего диаметра колонны, опирающегося на базу, равно $\frac{11}{13}$, что вполне соответствует требованиям пропорционального соотношения этих частей.

Высота пантикапейского архитрава — 0,682 м, равна усредненному диаметру колонны, что также отвечает пропорциям классических сооружений ионийского ордера V в. до н. э., архитравы которых отличаются большей высотой, чем эллинистические и тем более римские. В эллинистических антаблементах широкая расстановка колонн

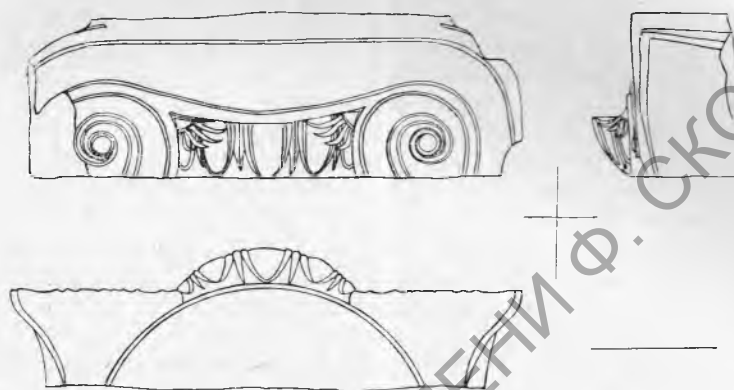

Рис. 2. Капитель храма ионийского ордера V в. до н. э.

повлекла за собой уменьшение высоты архитрава и фриза. В римское время эта тенденция усиливается, что и отражено в требованиях Витрувия.

Стилистический анализ архитектурных деталей из Пантикапея, свидетельствующий о одновременности пантикапейских деталей, служит существенным доказательством в пользу отнесения их к одному и тому же храму, хотя совсем и не обязательно, чтобы эти детали стояли непосредственно друг над другом.

Базы малоазийского типа, в отличие от аттических баз, имеют не очень широкий хронологический диапазон бытования и еще меньший ареал распространения. Применялись они с самого начала развития ионийского ордера вплоть до эллинизма преимущественно в Малой Азии.

Форма малоазийских баз нашла свое применение, как оказалось, в колонии Милета — Пантикапея (ГМИИ, инв. № 99—103, М—45). Этот довольно редкий пример сильно расширяет регион распространения малоазийской формы на север. Нижний диаметр спир — 0,86 м, верхний — 0,82 м, при высоте 0,22 м.

Описание их дано В. Д. Блаватским²⁵. Датирующие параметры малоазийских баз, как отмечает В. Д. Блаватский, находятся в зависимости от контура вертикальных очертаний²⁶.

Наиболее ранние примеры малоазийских баз храма Аполлона в Навкратисе, храма Геры на Самосе и храма Артемиды Эфесской являют собой контур, близкий к цилиндру²⁷. Развитые варианты малоазийских баз по вертикальным очертаниям близки к конусу. Следовательно, насколько нижний диаметр базы превышает верхний, настолько более поздним временем может быть датирована малоазийская база. Об этом

²⁵ Блаватский, ук. соч., стр. 30.

²⁶ Там же, стр. 31.

²⁷ D. S. Robertson, A Handbook of Greek and Roman Architecture, Cambr., 1945, стр. 99, рис. 45; E. Buschor, Heraion von Samos, AM, 55, 1930, рис. 26, 38, приложение XI, 2; XXI, F. Noak, Die Baukunst des Altertums, B., 1910., табл. 45.

же говорят профили малоазийских баз, собранные исследовательницей Л. Шу²⁸. Другим датированным параметром служит количество и глубина скожий, моделирующих боковую поверхность спир и торусов. В памятниках архаического времени в храме Аполлона в Навкратисе и Геры на Самосе, а также на базах храма V в. до н. э. в Локрах Эпизефирийских²⁹ они не так глубоки и их значительно больше, чем на пантикапейских базах. В установившемся с IV в. до н. э. типе малоазийской базы (тип архитектора Пифея, заимствованный впоследствии Гермогеном) скожи более глубоки и их меньше, чем на пантикапейских базах³⁰. Как видно из сопоставления стадияльно-типологических признаков и обоих видов датированных особенностей пантикапейские спирали являются промежуточным звеном между малазийскими базами архаического времени³¹ и конусовидными по форме базами позднеклассического и эллинистического периодов³². Так они и должны датироваться. Мы присоединяемся к первоначальной датировке пантикапейских баз В. Д. Блаватским первой половиной V в. до н. э.³³

Архитраву, найденному на том же раскопе, В. Д. Блаватский уделил значительно меньше внимания (выс.—0,685 м, шир.—0,248 м, Д. макс.—0,77 м; ГМИИ б/н). «Этот архитрав,— пишет исследователь,— был расчленен на три заметно увеличивающиеся снизу вверх фации и увенчан профилем». Сразу же после описания автор указывает на сложность датировки храма, высказывая мысль, что в «основном мы должны исходить из датировки баз колонн»³⁴.

В архитектуре ранее V в. до н. э. нет ни одного примера членения архитрава на три фации. В VI в. до н. э., как писал О. Шуази, архитрав или был гладким или был расчленен на две фации³⁵.

В датировку пантикапейского храма помогла внести достаточную ясность ионийская капитель³⁶. Ионийские капители благодаря сложности профиля и моделировки различных деталей всегда являются наиболее надежным датированным элементом средних построек³⁷.

Общая форма и пропорции керченской капители, которая была найдена Ю. Ю. Марти, сохраняют вытянутость и тяжеловесную сочность архаики (рис. 2). Венчающей частью капители служит едва заметный абак в виде узкой полочки. Центральная часть капители — подушка, объединяющая волюты, имеет сильный, энергичный прогиб. Крупные спирали волют туго скручены окантовывающим их тонким валиком. Плоскость волют и центральной подушки углублена легкой, едва заметной скожой. Глазки волют — круглой, выпуклой формы — не выходят за общую вертикальную линию капители и приходятся по горизонтали на центральную линию иоников эхина. Значительно выступает за вертикальную линию капители только сжатый волютами эхин, моделированный ожерельем из пяти яйцевидных ов, выполненных в мягком, неглубоком рельефе. Овы окаймлены валиком и разделены стержнями. Небольшие угловые пальметты с четырьмя лепестками прикрывают боковые овы. Лепестки их разделены, слабо изогнуты и не имеют закруглений и завитков на концах. Боковые части капители — балюстры, не моделированные орнаментом, сужаются к середине. Сохранившаяся часть балюстр не доходит до перехвата. Зато сверху и снизу капитель сохранилась хорошо. На абаке есть поперечная риска, разделяющая капитель ровно пополам. Сни-

²⁸ L. T. S h o e, Profiles of Greek Mouldings, Cambr., 1936, LXXI, LXXII.

²⁹ E. P e t e r s e n, Tempel in Locri, R. M. V. 1890, стр. 176—199, рис. 4, 6, 7.

³⁰ E. A k u r g a l, The Ruins of Turkey, Istanbul, 1969, рис. 4b, 66, 75b.

³¹ R o b e r t s o n, ук. соч., стр. 99; B u s c h o r, ук. соч., рис. 26, 38, N o a k, ук. соч., табл. 45; J. C h a r b o n n e a u x, R. M a r t i n, F. V i l l a r d, Grèce archaïque, Gallimard, 1968, рис. 111.

³² A k u r g a l, ук. соч., рис. 4b, 66, 75b; N o a k, ук. соч., табл. 49.

³³ В. Д. Блаватский, Античная культура в Северном Причерноморье, КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 35.

³⁴ Б л а в а т с к и й, Строительное дело, стр. 30—31.

³⁵ О. Ш у а з и, История архитектуры, I, М., 1935, стр. 276.

³⁶ И. Р. П и ч и к я н, Ионийская капитель из Керчи, ВДИ, 1974, № 2, стр. 105—110.

³⁷ В. Д. Б л а в а т с к и й, Античная полевая археология, М., 1967, стр. 203 сл.

зу — сохранившаяся окружность ствола позволяет реконструировать ее полный диаметр — $D = 0,56$ не более $0,60$. Высота капители = $0,25$. Сохранившаяся ширина по фасаду = $0,815$, максимальная ширина боковых частей — балюстр = $0,18$. Легко реконструируемая часть левой сбитой волюты устанавливает первоначальную ширину фасада капители — $0,86$ м.

Капитель из Керчи находит наибольшее сходство с капителями, датированными серединой V в. до н. э., найденными в Сельджуке³⁸, библиотеке Адриана³⁹ и на южном склоне Акрополя в Афинах⁴⁰. Небольшие различия в трактовке отдельных деталей и общих пропорций, свидетельствующие о более ранней дате, могут, по мнению В. Д. Блаватского, происходить из-за различия в материале⁴¹. Действительно, известняк, в котором выработана керченская капитель, менее надежен при глубокой порезке, чем средиземноморский мрамор. Поэтому капитель из Керчи нельзя датировать более узкими хронологическими рамками, чем первая половина V в. до н. э., вплоть до ее середины.

При сопоставлении малоазийских баз (ГМИИ, пив. № 99—102. М—1945) и капители с аналогичными деталями Средиземноморского бассейна удалось установить, что они относятся к промежуточной группе памятников, стоящих в эволюционном развитии ионийского ордера между архаическими памятниками второй половины VI в. и классическими памятниками. Расчлененный на три фации архитрав, найденный на том же небольшом Верхнемитридатском раскопе, экспедицией В. Д. Блаватского в 1945 г., также препятствует дате, более ранней, чем первая половина V в. до н. э.

Таким образом, все детали ордера: базы, капитель и архитрав датируются первой половиной V в. до н. э. Тем самым мы получаем полную картину ордера, и схема реконструкции В. Д. Блаватского, подкрепленная основным элементом ордерной системы — капителью, может быть уточнена в деталях.

Самый сложный вопрос при графическом выполнении реконструкций связан с установлением высоты колонн. Решение этого вопроса усложнено тем обстоятельством, что на малоазийском побережье нет аналогий в виде синхронных по времени памятников. Ордер ионийского храма в Милете реконструирован Герканом⁴² на основании всего лишь обломка волюты по аналогии с деталями ордерных конструкций храма в Локрах Эпизефирийских⁴³. Но и реконструкция Петерсена основана на деталях, которые также сохранились более фрагментарно, чем в Пантикапее⁴⁴. Поэтому в реконструкции высоты пантикапейской колонны, так же как в милетской, нельзя гарантировать абсолютную точность.

Из-за отсутствия надежных отправных данных в Малой Азии приходится для сравнения использовать памятники более поздние, другого региона и выполненные в ином материале. Так как в V в. до н. э. политическое и экономическое положение городов малоазийского побережья было крайне тяжелым, то архитектура ионийского ордера представлена по преимуществу в континентальной Греции. Единственным достоверно сохранившимся памятником V в. до н. э. с шестиколонным портиком является афинский Эрехфейон. Диаметр колонн восточного портика Эрехфейона— $0,69$ м при высоте в $6,58$ м⁴⁵. Диаметр колонн западного портика несколько меньший— $0,62$ м и при высо-

³⁸ W. A l z i n g e r, *Alt Ephesos*, «Das Altertum», 13,1, 1967, стр. 37, 40.

³⁹ W. W r e d e, *Ein ionisches Kapitell in Athen*, AM, 55, 1930, стр. 191 сл., табл. LXII, LXIV.

⁴⁰ H. M ö b i u s, *Attische Architekturstudien*, AM, 52, 1927, табл. XIX, 2 и 3.

⁴¹ Замечание, высказанное В. Д. Блаватским на заседании сектора античной археологии Ин-та археологии АН СССР 13.VI.1973 г. при обсуждении моей статьи «Ионийская капитель из Керчи».

⁴² A. v. G e r k a n, *Kalabaktepe, Athenatempel und Umgebung*, Milet, 1, 8, В., 1925, стр. 67 сл., рис. 37, табл. X, приложение IV.

⁴³ P e t e r s e n, *ук. соч.*, стр. 176—199, рис. 4—14.

⁴⁴ Правда, в Милете и Локрах Эпизефирийских были найдены фундаменты храмов, позволившие Петерсену и Геркану надежнее реконструировать план здания, расстановку колонн и метрологию памятников.

⁴⁵ W. B. D i n s m o o r, *The Architecture of Ancient Greece*, L., 1950, стр. 340.

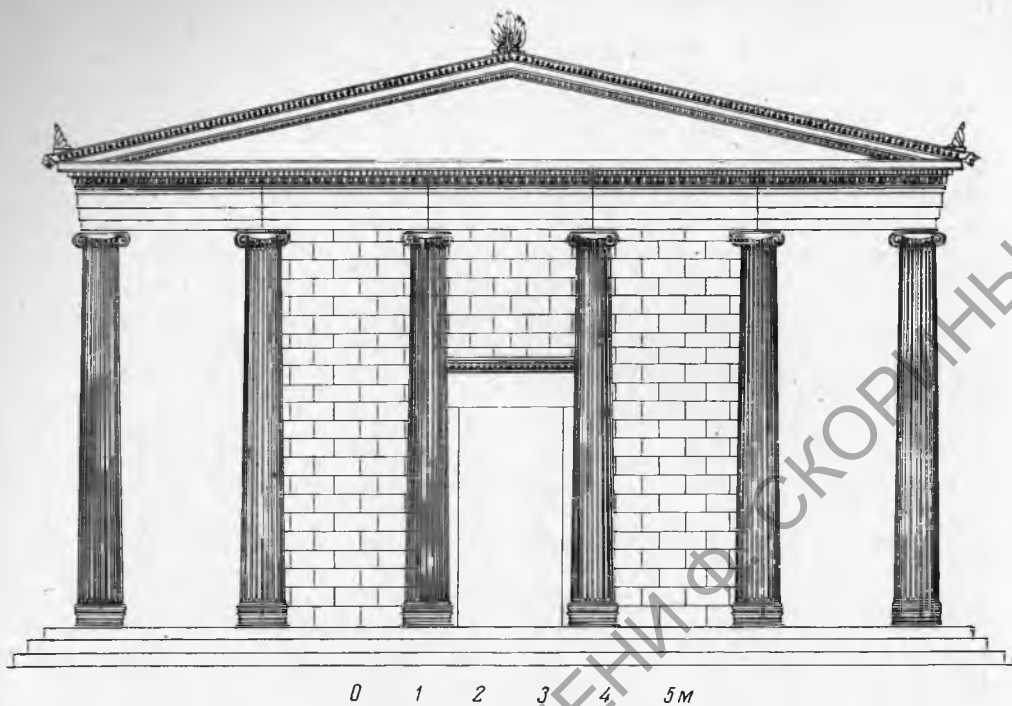

Рис. 3. Реконструкция фасада храма Аполлона в Пантикапее

те 5,6. Так как они в среднем соответствуют диаметру пантикапейских колонн, то и высота последних должна находиться приблизительно в пределах между 5,6 и 6,58 м. Правда, Эрехфейон — памятник более поздний, поэтому при равном диаметре пантикапейские колонны должны были быть ниже. Вместо высоты 6,58 м колонн Эрехфейона, величина 6 м для пантикапейских колонн по целому ряду соображений нам кажется предпочтительной (рис. 3). Проверки по модульным отношениям Витрувия, принятым при реконструкциях, также дают высоту в этих границах. Отношение верхнего диаметра к нижнему у пантикапейской колонны, выраженное в цифрах $\frac{11}{13}$, требует, по Витрувию, высоты колонны в 20 римских футов (III, 3, 12), т. е. 6 м. Рекомендация Витрувия для эвотилия и систилия высоты колонны, равной 9,5 ее диаметрам, дает близкую величину ($0,65 \times 9,5 = 6,175$ м)⁴⁶. Все остальные возможные вычисления приводят к выводу, что высота пантикапейских колонн могла быть от 5,8 до 6,2 м. Столь незначительный допуск (0,4) при прогоне в 6 м вполне позволителен.

Композиция храма, поскольку фундамент еще не найден, может быть определена только гипотетически. Однако предположение, что храм был периптеральным и имел шесть колонн по фасаду, как это убедительно доказал В. Д. Блаватский, наиболее вероятно, так как ничего более достоверного предположить нельзя⁴⁷. Кроме того, это подтверждается и при сопоставлении размеров пантикапейского храма с таблицей соответствующих параметров, составленной Динсмуром⁴⁸. Это сопоставление показывает, что ордерные детали пантикапейского храма близки периптерам, но значительно превышают размеры амфипростильных и антовых храмов. Поскольку диаметры баз и

⁴⁶ Vitruv, III, 3, 7. Пантикапейский храм не мог быть ни диастилем, ни арестилем хотя бы потому, что при подобной расстановке колонн употреблялись деревянные перекрытия, а мраморные и известняковые не выдерживали нагрузки — Vitruv., III, 3, 5.

⁴⁷ Блаватский, Строительное дело..., стр. 33.

⁴⁸ Dinsmoor, ук. соч., стр. 339—340, таблица на вклейке.

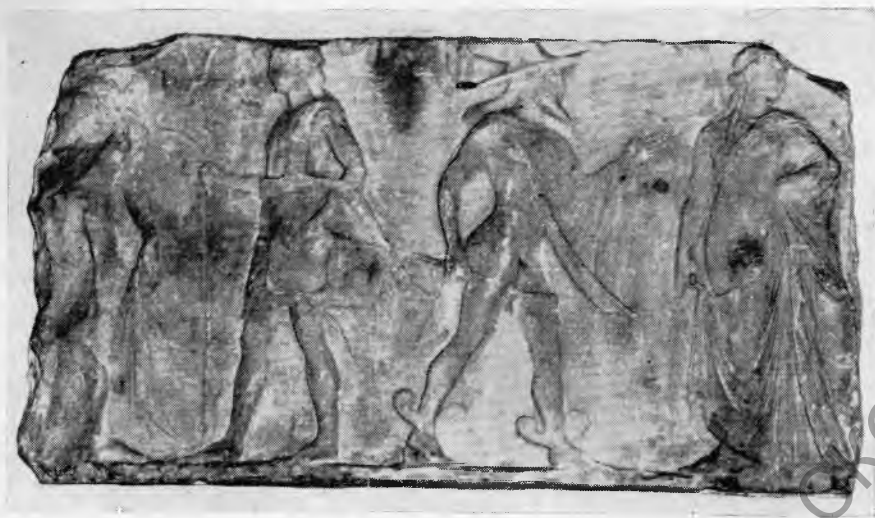

Рис. 4. Фриз с Аполлоном и Гермесом 470 г. до н. э. Пантикапей

барабанов колонн, а также размеры капители и архитрава превышают амфипростильные храмы Греции, рискованно предполагать, что в Пантикапее был наибольший из амфипростилей во всей греческой архитектуре V в. до н. э. Кроме того, простильное, амфипростильное или антовое решение на вершине горы представляется маловероятным, тогда как перитерриальное полностью соответствовало бы круговому обзору памятника.

Длина фасадного архитрава при шестиколонном портике близка 14 м. Эта величина составлена из шести диаметров и пяти интерколумниев (рис. 3). Пантикапейский храм, как и все крупные памятники предшествующего времени, скорее всего был лишен фриза; его заменяли, по всей вероятности, сухарики и подкарнизные плиты с пониками. Полная высота антаблемента и колонны, т. е. ордера в целом, равнялась 7 м. Следовательно, длина фасада — 14 м, была вдвое больше его высоты. Полученное геометрическое построение очень продуктивно и, видимо, не случайно.

Высота фронтона при его основании в 14 м определяется двумя способами. Для памятников этого времени высота фронтона равна $\frac{1}{7}$ его основания⁴⁹, в нашем случае $14 : 7 = 2$ м. Этот способ менее точен, но более прост. Мы предлагаем более точный метод определения высоты фронтона, которая всегда равна половине основания, помноженной на тангенс бокового угла. Для памятников ионийского ордера VI — V вв. боковые углы наклона фронтона равны 15° . В нашем случае $\frac{14}{2} \times \text{tg } 15^\circ = 7 \times 0,2679 = 1,876$ м. Итак, высота храма равна 9 м, а с акротернем около 10 м. К этому следует добавить высоту стереобата. О высоте стереобата, пока он не найден, судить трудно. Следует, впрочем, заметить, что близкие к поверхности выходы скалы и топография местности, доминирующей над городом, позволяет предположить, что он был невысоким.

Монументальному храму ионийского ордера в качестве зофора мог принадлежать рельефный фриз с шествием богов, найденный, правда, не на вершине, а у подножия горы Митридат архиепископом Гавриилом Херсонским и Таврическим в 1840 г.⁵⁰

⁴⁹ В. К. Мальмберг, Древнегреческие фронтовые композиции, ЗКОРА, т. I, 1904, стр. 112.

⁵⁰ Н. П. Кондаков, Мраморный рельеф из Пантикапея, Одесса, 1875, стр. 1 = ЗООИД, 10, 1877, стр. 16 сл.

(рис. 4). Возможно, что зофор был неполным и венчал фасадную стену в пронаосе храма на всю ее длину или являлся фризом постамента статуи в наосе храма или алтаря, стоявшего в непосредственной близости перед храмом. Размеры мраморной плиты: дл. — 1,3 м, выс. — 0,61 м (ОГАМ, зал Боспора. Инв. № II в, 5). Н. П. Кондаков по сюжету изображения относил ее к храму Аполлона⁵¹. На мраморном рельефе изображены шагающий влево Аполлон с лирой и посохом из ствола оливы и Гермес в петасе, крылатых сандалиях с кадуцеем в правой руке, идущий вправо. Их фланкируют две шествующие навстречу им фигуры: богиня Артемида — слева и Нимфа Пейто или Киллена — справа, приподнимающие двумя пальцами хитон и гиматий. Н. П. Кондаков, считал, что рельеф — не архаистическое подражание римской эпохи, и датировал его III—II в. до н. э. Наиболее близкой аналогией пантикапейскому рельефу служит раннеклассический рельеф с Гермесом и Харитами, найденный на Фазосе⁵², по аналогии с которым пантикапейский рельеф следует датировать второй четвертью V в. до н. э. Тщательный анализ Н. П. Кондакова, убедительно доказавшего, что фигура Аполлона была центральной в рельефе, заслуживает внимания. На основании этого Н. П. Кондаков относил фриз к храму Аполлона.

Напомним, что местоположение и монументальность здания, как это отмечал В. Д. Блаватский, приводят к выводу о том, что ионийский храм должен был быть посвящен патрону Пантикапея — Аполлону⁵³. Большая роль милетского культа в архаическом Пантикапее подтверждается нумизматическими данными⁵⁴.

К этому следует добавить еще одно очень существенное обстоятельство — постамент статуи с посвятельной надписью Сатириона, сына Патека, отбывшего жречество в храме Аполлона, был найден на самой вершине горы Митридат, там же, где и остальные детали храма. Упоминания в надписях Пантикапея с самого начала IV в. до н. э. жрецов храма Аполлона: Динострата, вышеупомянутого Сатириона, сына Патека, и царевича Левкона, сына Перисада (последняя надпись датируется серединой III в.) свидетельствуют о том, что храм был построен и функционировал еще в V в. до н. э.⁵⁵

В связи с этим вопрос о правозмерности атрибуции монументального храма Аполлону и отнесение фриза Н. П. Кондаковым к этому же храму представляется достаточно реальными решениями, тем более, что и по времени (вторая четверть V в. до н. э.) фриз в точности соответствует датировке архитектурных деталей храма⁵⁶.

Как в средиземноморских святилищах, так и в Пантикапее перед храмом, кроме votивных скульптур и посвятельных надписей, находились жертвенники и алтари разной формы. Об их композиции и размерах можно судить также по сохранившимся ордерным деталям декора этих сооружений. Одна из архитектурных деталей — волюта ионийской капители наиболее примечательна, так как она не находит прямых аналогий и может быть отождествлена лишь с вазовыми рисунками. Другая деталь алта-

⁵¹ Там же, стр. 25. Впоследствии рельеф издал С. Рейнак: S. R e i n a c h, *Répertoire de reliefs grecs et romains*. Paris, 1912, том III, стр. 478. I. Б. В. Варнеке, уделив основное внимание атрибуции женских фигур и находя близкие аналогии в аттической вазонисе V в. до н. э., дает подробную библиографию всех предшествующих изданий рельефа — Б. В. В а р н е к е, К истолкованию Керченского рельефа, ЗООИД, т. XXII, 1915, стр. 15 сл.

⁵² G. D a u x, *Guide de Thasos*, P., 1968, стр. 37, рис. 104.

⁵³ Б л а в а т с к и й, *Строительное дело...*, стр. 29.

⁵⁴ Д. Б. Ш е л о в, К вопросу об изображении львиной головы на ранних боспорских монетах, КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 45.

⁵⁵ КВН, № 6, 10, 25.

⁵⁶ При обсуждении данной статьи на заседании античного сектора Ин-та археологии АН СССР 23.I.1974 г. В. Д. Блаватский, признав датировку капители и архаика правильной, высказал мысль, что постройка храма могла быть задумана или начата еще в VI в. до н. э., но, учитывая экономические возможности Пантикапея, храм мог строиться длительное время в течение V столетия. Одновременно с этим В. Д. Блаватский отметил, что фриз с Аполлоном, служивший зофором фасада или фризом стоящего рядом алтаря, можно датировать более определенно — 470 годами до н. э.

ря, очень близкая милетским алтарным акротериям, легко определяема. О назначении третьей можно без большой уверенности сказать, что она была скорее всего базой круглого алтаря.

Первая из них — неизданная волюта архаического времени — как самый ранний памятник ионийского ордера среди найденных на территории Северного Причерноморья заслуживает специального рассмотрения (рис. 5). Волюта находится в лапидарии Керченского историко-археологического музея (инв. № 3648). Выполнена она в местном светло-сером, рыхлом известняке. Ее размеры: сохранившаяся дл. — 0,41, выс. — 0,285, шир. — 0,11 м. Венчает волюту узкий, спереди едва заметный абак, со

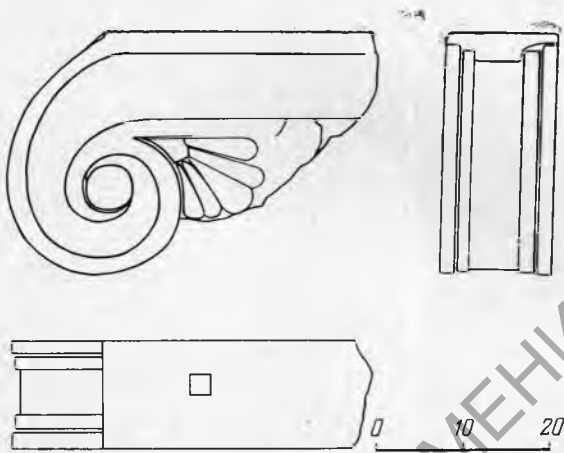

Рис. 5. Волюта древнейшего алтаря. Пантикапей

стороны оалюстры оформленный в виде полочки. В верхней плоскости абака четырехугольный паз для крепления капители с перекрытием: дл. — 0,025, шир. — 0,025, глуб. — 0,035 м. Один завиток волюты вокруг плоского глазка с боковых сторон окаймлен толстыми полукруглыми валиками. Поверхность завитка волюты и подушки выгнутая — наиболее яркий отличительный признак архаического времени⁵⁷. Форма угловой пальметты типична также только для этого периода. Пять прямых, расширяющихся к концам лепестков пальметты тесно примыкают друг к другу. Архаична и цилиндрическая балюстрада, с каждой стороны окаймленная парой валиков. Ширина каждого из четырех валиков — 0,015 м. К сожалению, капитель сохранилась не полностью. На продольной риске абака нет центральной поперечной насечки, следовательно правая большая часть обломана. Тыльная сторона отесана. После расчистки на лицевой стороне архаической волюты удалось обнаружить хорошо сохранившуюся ярко-красную краску, которая покрывает угловую пальметту и валики на фасадной части.

Весьма возможно, что волюта из Керчи могла быть консольной или супплетивной формой, подобно капители амиклейского алтаря, реконструированной Бупшором⁵⁸.

⁵⁷ Alzinger, ук. соч., стр. 31, 33; Charbonneau, Martin, Villard, ук. соч., рис. 114; M ö b i u s, ук. соч., табл. XXVII; G. D a u x, Chronique des fouilles, 1962, BCH, 87, 1963, стр. 826, рис. 18, 19. Архитектура античного мира (Греция и Рим), ВИА, т. 2, М., 1973, стр. 118, рис. 75. Известно всего несколько экземпляров волют первой половины V в. до н. э. с выгнутыми завитками: капитель храма Афины в Милете, храма в Локрах Эпизефирийских и капитель, найденная во время реставрационных работ театра в Сельджуке. У последней — передняя сторона с выгнутыми валиками волют, задняя — с вогнутыми: J. D u r m, Die Baukunst der Griechen, Лpz, 1960, рис. 277 и 286; Alzinger, ук. соч., стр. 37. Другой редчайший экземпляр переходного типа (датируется X. Мебиусом первой половиной VI — началом V в. до н. э.) найден в 1921 г. в развалинах церкви в Агия-Триаде (M ö b i u s, ук. соч., стр. 167, табл. XXVII, низ).

⁵⁸ E. B u s c h o r u n d M a s s o w, Von Amyklaion, AM, 52, 1927, табл. XVIII.

Ее конструктивное назначение родственно изображению на гидрии с Гераклом и Буцирисом из Церы, схожим с дидимейской капителью пилястра. Эти два примера приводятся параллельно в архитектурных исследованиях К. Вейкерта и Б. П. Михайлова в качестве свидетельства достоверности вазовых изображений⁵⁹.

Однако самую точную аналогию конструктивного назначения капители мы находим на чернофигурной вазе с изображением Афины, жрицы и алтаря на фоне пронаоса храма, датированной VI в. до н. э.⁶⁰ По аналогии с вазовым рисунком керченская волюта — фрагмент капители, венчавшей своей продолговатой подушкой всю фасадную часть алтаря с волютами, свешивающимися над его торцовыми сторонами.

По манере исполнения и трактовке формы керченская капитель наиболее близка милетско-самосскому кругу. Она очень схожа с самосской капителью, найденной в небольшом отдалении от Гераяона⁶¹, и волюте, украшавшей перила лестницы монументального алтаря Посейдона на мысе Монодендра⁶².

Датировка уникальной капители из Керчи архаическим временем не вызывает никаких сомнений. Выгнутая поверхность ремешков волюты, цилиндрическая балюстрада, прямые, утолщающиеся к концам, нерасчлененные лепестки угловой пальметты — все наиболее надежные хронологические показатели позволяют датировать керченскую капитель второй половиной VI в. до н. э.

Следовательно, первая деталь алтаря принадлежала сооружению, относящемуся ко времени, предшествующему постройке монументального ионийского храма на вершине горы Митридат.

Определение другой пантикапейской волюты как алтарного акротерия не вызывала сомнения у В. Д. Блаватского, отнесшего эту деталь к угловым увенчаниям алтаря⁶³. Волюта образована одним расширяющимся витком и окантовывающими этот виток также расширяющимися валиками. Глазок представляет собой слабо выраженную розетку. Особенно интересны пальметты, фланкирующие волюту. От одной сохранилась лишь вертикальная стрелка, у другой — угловая пальметта — сохранились все пять лепестков. Лепестки последней, утолщающиеся к концам, заострены в виде треугольных зубчиков. Выгнутая лента волюты, заостренность лепестков пальметты, так же как форма их стержней в виде стрелок, по аналогии с идентичными лепестками акротериев алтарей, позволяют датировать волюту около 500 г. до н. э.⁶⁴

Весьма вероятно, что алтарь, к которому принадлежал этот акротерий, как это считает В. Д. Блаватский, служил тому же культу, что и монументальный ионийский храм⁶⁵.

Помимо храма Аполлона, на акрополе Пантикапея вблизи от него находилось святилище Деметры также с храмом. От этого святилища до нашего времени дошла только круглая мраморная база алтаря, найденная Скассы у подошвы горы Митридат⁶⁶. В неглубоком рельефе по всей окружности цилиндра на всю его высоту изображены шествующие женщины, закутанные в гиматии. Хорошей сохранности всего шесть фигур, остальные изображения сильно пострадали и теперь совершенно стерты. На верхней плоскости базы глубокий прямоугольный паз, занимающий всю поверхность, — по мнению А. Н. Карасева, он позднего происхождения⁶⁷. Мраморный цилиндр мог

⁵⁹ C. Weickert. Das lesbische Kymation, Lpz, 1913, стр. 41—42, рис. 8; Б. П. Михайлов. Витрувий и Эллада, М., 1967, стр. 210, рис. 75.

⁶⁰ E. Pfuhl, Malerei und Zeichnung der Griechen, III. München, 1928, табл. 80 (297).

⁶¹ Möbius, ук. соч., стр. 170—171, табл. XXVII, верх.

⁶² A. v. Gerkan, Poseidonaltar bei Kap Monodendri. Milet, 1, 4, В., 1915, табл. XXf.

⁶³ Блаватский, Строительное дело..., стр. 33—34, рис. 18,1.

⁶⁴ М. М. Кобылина, Милет, М., 1965, стр. 78, рис. 22.

⁶⁵ Блаватский, Строительное дело..., стр. 33, 34.

⁶⁶ А. Б. Ашик. Боспорское царство, III, Одесса, 1849, т. III, стр. 53—54, рис. СII.

⁶⁷ А. Н. Карасев, Картотека архитектурных деталей Эрмитажа, 1940. Личный архив А. Н. Карасева: папка № 2, надпись на чертеже.

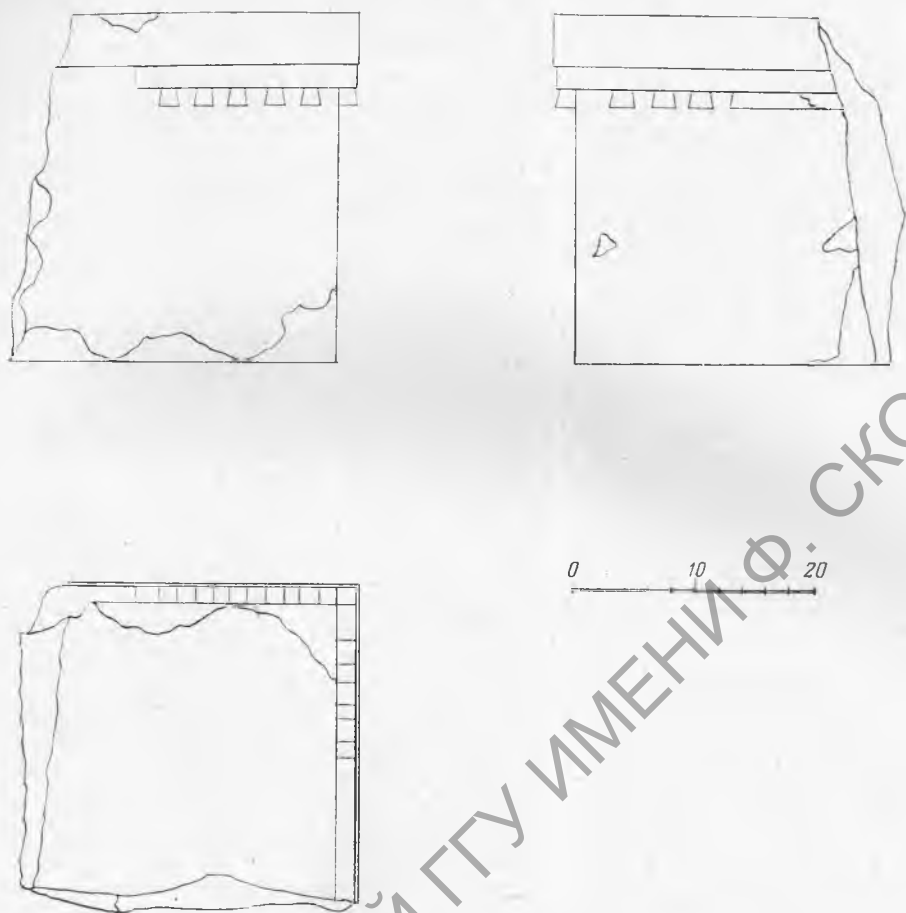

Рис. 6. Дорический угловой архитрав. Пантикапей

быть алтарем или базой колонны. Дюбуа и А. Б. Ашик справедливо относили этот памятник к культу Деметры—Фесмофоры⁶⁸. М. М. Кобылина датирует рельефное изображение второй половиной V в. до н. э.⁶⁹. О храме Деметры на Митридате говорит надпись жрицы Креусы с посвящением Деметре, найденная на вершине горы А. Е. Люпенко в 1864 г.⁷⁰ Из датировки надписи архонством Левкона I, сына Сатира, следует, что храм Деметры существовал уже в начале IV в. до н. э., построен же он был, несомненно, раньше. С северного склона горы происходит большой мраморный бюст Деметры, копия римского времени с оригинала IV в. до н. э.⁷¹— по-видимому, святилище Деметры в Пантикапее существовало длительное время.

Из ордерных памятников Пантикапее раннего времени специального внимания заслуживает прямоугольный блок известняка, угловая часть архитрава. Это единственный фрагмент, сохранившийся от дорических сооружений архаического времени в Северном Причерноморье (рис. 6).

⁶⁸ Ашик, ук. соч., стр. 53—54.

⁶⁹ М. М. Кобылина, Античная скульптура Северного Причерноморья, М., 1972, стр. 7, табл. IV.

⁷⁰ КБН, № 8; возможно, что из этого святилища происходит и надпись КБН, № 14 на постаменте статуи, посвященной Аристоникой, жрицей Деметры, богине.

⁷¹ В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 158, 160.

Архитрав найден в Пантикапее, хранится в ГМИИ им. А. С. Пушкина (выс. — 0,29; шир. — 0,232, дл. макс. — 0,273 м). Сверху блок профилирован с двух сторон полочкой высотой 0,045 м. Под ней с каждой стороны более узкая мутула с пятью гуттами и шестой общей угловой. Ниже гладкое поле архитрава высотой 0,212 м. Примечательно, что фасадная мутула длиной 0,20 м тщательно отделана, тогда как боковая — незавершена. Пятый и шестой гутты на ней не расчленены, т. е. пространство между ними не выбито. Да и мутула не обрывается на 0,20 м от угла, а продолжает идти под полочкой дальше. Такая незавершенность показывает, что торцевой стороне не придавалось такого же значения, как фасадной.

Поскольку сохранилась всего одна ордерная деталь, восстановление общего облика здания будет в некоторой мере условным. Схема фасада дорического храма в антах или небольшого святилища все же может быть восстановлена без речительства за большую точность по аналогии с реконструированным полностью подобным сооружением — сокровищницей афинян в Дельфах⁷².

Высота пантикапейского архитрава 0,29 м. Вместе с несколько более высоким триглифо-метопным фризом общая высота антаблемента равнялась бы 0,60—0,65 м. К этому следует прибавить высоту фронтоного поля с симой — 0,50 м. Высота колонны при таком антаблементе не намного превышала 2 м. Следовательно, общая высота пантикапейского дорического храма была от 3 до 3,30 м. При такой высоте ширина сооружения должна была быть такой же, так как максимальная ширина равна примерно максимальной высоте в дорической сокровищнице афинян в Дельфах. Последующие исследования смогут уточнить размеры и декор этого небольшого дорического сооружения в Пантикапее. Пока же мы даем вариант реконструкции с самыми минимальными размерами.

При воссоздании облика акрополя Пантикапея раннего времени на основании фрагментарно дошедших до нас архитектурных и письменных материалов необходимо твердо разграничить область предположительного от достоверного. Расположение маленького дорического храма и храма Деметры, к тому же неизвестной композиции, на акрополе или рядом с ним — вероятное предположение, не больше. Возможно, что реконструкция монумента павшим героям Великой Отечественной войны на вершине горы Митридат и предусмотренные в связи с этим археологические раскопки дадут нам новый материал для реконструкции всего комплекса акрополя в античное время.

Наиболее достоверным сооружением является монументальный ионийский храм, построенный уже в V в. до н. э. на вершине горы Митридат, существование которого надежно подкрепляется письменными источниками и архитектурными деталями, дошедшими в хорошей сохранности. В происхождении пантикапейских деталей усомниться невозможно. Ордерные детали от храма V в. до н. э. не могли быть привезены: они из местного материала. Не могла малоазиатская форма баз быть более позднего времени, скажем современной работы. Такая форма баз уже в эллинизме была вытеснена аттической базой. Ни в архитектуре Возрождения, ни в классицизме, ни в новой архитектуре стиля модерн малоазиатская база не употреблялась. Старое здание музея, уже разрушенное, было построено на горе Митридат в дорическом ордере. Следовательно, крупные ионийские детали не могли служить ему украшением, так же как и маленькой часовой Стамбульского, стоявшей впоследствии на месте монументального ионийского храма на вершине горы Митридат. Остается признать неопровержимым факт существования столь монументальной постройки в Северном Причерноморье, как храм V в. до н. э. на акрополе Пантикапея.

Таким образом, достоверной представляется следующая картина. На вершине акрополя стоял окруженный скульптурными изображениями и посвятельными дарами монументальный ионический периптер, видимый со всех точек города и с подплывающих к Пантикапею кораблей. Возможно, на акрополе Пантикапея находились еще и незначительные по размерам ордерные сооружения, подчеркивающие его монумент-

⁷² A. W. Lawson, *Greek Architecture*, L., 1957, стр. 143, табл. 37.

тальную величавость. Ниже между неприступными скальными выступами возвышались стены акрополя. Небольшие дома, хорошо известные по раскопкам Пантикапея, окружая акрополь со всех сторон, спускались к гавани. Красные черепичные кровли яркими пятнами выступали из зелени деревьев. Живописность городского ансамбля была predeterminedена удачным выбором места. Последнее позволило строителям Пантикапея решить композицию городского ансамбля в лучших традициях эллинского искусства.

Наиболее исследованным комплексом городского священного участка в Северном Причерноморье является теменос в Ольвии, расположенный в верхнем городе рядом с агорой. Раскопанный и реконструированный А. Н. Карасевым и Е. И. Леви теменос Ольвии благодаря наличию большого количества добытого археологического материала позволил исследователям воссоздать довольно достоверный облик ольвийского священного участка архаического времени. Центральным сооружением теменоса Ольвии был храм Аполлона Дельфиния, построенный в начале V в. до н. э.⁷³ План его, достаточно хорошо сохранившийся, позволил А. Н. Карасеву реконструировать храм в антах (рис. 7а). Предложенный им вариант реконструкции ионийского ордера в дереве и терракоте очень убедителен. Опыт реконструкции, осуществленный А. Н. Карасевым, представляет большой интерес для истории развития деревянных стоечно-балочных конструкций как один из основных наиболее достоверных вариантов.

Принимая в целом реконструкцию А. Н. Карасева, хочется сделать некоторые дополнения к декорировке ордера, связанные с привлечением полихромных терракотовых облицовочных плит, моделированных крупными овами, обсудить возможные варианты баз, которые в работе А. Н. Карасева отсутствуют. Не вызывает никаких сомнений интерпретация А. Н. Карасевым добытого археологического материала раскопками фактического материала. Напротив, виртуозная реконструкция терракотовой капители находит точную аналогию в форме и раскраске архаической волюты алтаря из Пантикапея (КИАМ, пив. № 3648) (рис. 5).

Наряду с детальным описанием оформления верха колонны А. Н. Карасев не уделил достаточно внимания возможным вариантам баз. Поэтому предложенный позднеаттический вариант базы представляется малоубедительным. Скорее, возможен любой из ранних типов малоазийских баз, так как первые примеры применения раннеаттического варианта, открытые в храме на Илесе и портике афинян в Дельфах, специально выделенные А. Лоуренсом (ук. соч., рис. 83), относятся к более позднему времени, чем постройка храма Аполлона Дельфиния в Ольвии. Опорой деревянному столбу мог служить прямоугольный или круглый постамент. Большое количество подобных основ для деревянных колонн можно привести из современных ольвийскому храму вазовых росписей, где изображены такие опоры деревянных столбов с венчающими их ионийскими⁷⁴ и дорическими капителями⁷⁵. Следовательно, предложенный А. Н. Карасевым позднеаттический вариант следует заменить или малоазийским типом баз, близких по композиции сокровищнице в Дельфах⁷⁶, или постаментами, аналогичными опорам для деревянных столбов, изображаемым на чернофигурных и краснофигурных вазах⁷⁷.

При сравнении с достаточно хорошо сохранившимися сокровищницами кидяев, мессалийцев и сифносцев в Дельфах⁷⁸ ольвийский храм отличает отсутствие рельеф-

⁷³ А. Н. Карасев, Монументальные памятники ольвийского теменоса, сб. «Ольвия. Теменос и агора», М.—Л., 1964, стр. 51—69.

⁷⁴ F. P. Johnson, The Career of Hermonax, AJA, LI, 3, 1947, табл. XLVIII; G. Richter, M. Milne, Shapes and Names of Athenian Vases, N. Y., 1935, рис. 138, 139.

⁷⁵ CVA. Palermo — XIV, табл. 12,1; J. D. Beazley, Greek Vases in Poland, Oxf., 1928, стр. 37, табл. 8, 13, 17, 12, 20.

⁷⁶ Lawrence, ук. соч., стр. 139, рис. 79.

⁷⁷ R. Vallois, Etude sur formes architecturales dans les peintures de vases grecs, RA, XI, 1908, стр. 362.

⁷⁸ Dugm, ук. соч., стр. 326, рис. 312; Lawrence, ук. соч., табл. 35; Din sm o r, ук. соч., стр. 121, табл. XXXII.

0 1 2 3m

0 1 2 3m

Рис. 7. Реконструкция фасада храма Аполлона Дельфиня в Ольвии V¹/₄ в. до н. э. Вверху — вариант, предлагаемый И. Р. Пичкиным, внизу — реконструкция А. Н. Карасева

ного фриза. Как видно на вырубленных в скале малоазийских гробницах в виде храмов в антах — наиболее достоверных репликах ионийской архитектуры, отсутствие фриза должно быть заменено сухариками⁷⁹. Сухарики или дентикулы — торцы продольных балок, лежащих на архитраве — необходимая конструктивная основа, без которой невозможно осуществить перекрытие пронаоса, поэтому они должны быть отражены на реконструкции. Необходимым восполнением является сима, которая на реконструкции А. Н. Карасева также отсутствует. Для этого могут быть использованы полихромные терракотовые плиты с ионийскими овами, найденные в разное время в Ольвии⁸⁰. Сходство ольвийских терракотовых плит с милетскими настолки велико, что кажется, будто все фрагменты с полихромными овами принадлежат одному целому экземпляру⁸¹. Размеры мелких обломов и полихромных узоров до такой степени соответствуют друг другу, что можно смело реконструировать ольвийскую симу по аналогии с целой милетской: шпр.—0,54; выс.—0,236 м⁸². По качеству глины, ангоба, характеру красок они очень близки терракотовой капители, найденной А. Н. Карасевым у основания храма Аполлона Дельфиния. Форма, размеры и датировка позволяют предполагать, что и они относятся к реконструированному А. Н. Карасевым храму. Если это и не так, то во всяком случае, поскольку милетский тип полихромных сим и терракотовых обкладок в Ольвии VI—V вв. до н. э. отмечен многократными находками, реконструкция сим фронтона для архаического храма Аполлона Дельфиния по аналогии с реконструкцией Геркана фронтона древнего храма в Милете — более чем вероятна⁸³. На реконструкции А. Н. Карасева угол боковых наклонных фронтона слишком велик. Если прибавить к реконструированному храму размер значительной по высоте в архаический период симы и величину крупных сухариков, то, снизив углы фронтона с 22 до 13° (обычных для всех ионийских храмов, сокровищниц и скальных гробниц, оформленных в виде храмов в антах VI—V вв.), мы сохраним прежнюю, верно найденную А. Н. Карасевым общую высоту храма, равную 6,7 м (рис. 7б). Несмотря на то, что от обоих храмов сохранились только фундаменты и незначительные остатки антаблемента (Герканом осуществлена реконструкция фронтона только графически без текстологического обоснования), можно провести ряд аналогий между храмом на Калабак-Тепе и храмом Аполлона Дельфиния в Ольвии. Примечательно, что ширина фасада ольвийского храма в точности соответствует древнему милетскому храму. Ширина обоих храмов — 7,0 м⁸⁴. Ширина цоколя фундаментов также совершенно идентична — 0,60 м. Оба храма ориентированы строго на юг с незначительным отклонением на восток⁸⁵. Если сопоставить ольвийский храм Аполлона Дельфиния в Ольвии с храмом Аполлона в Пантикапее, то оказывается, что ширина фасада ольвийского храма, равная 6,84 м, т. е. 20 самосским футам, ровно вдвое меньше реконструированной ширины фасада пантикапейского храма.

Заслуживает упоминания скрупулезнейшее исследование А. Н. Карасева ольвийского монументального известнякового алтаря V в. до н. э. К несколько более раннему времени относятся две мраморные плиты от другого алтаря, хранящиеся в Эрмитаже,

⁷⁹ Дигт, ук. соч., стр. 286, рис. 264; D i n s m o o r, ук. соч., табл. XIX.

⁸⁰ ОАК за 1906 г.; Б. В. Фармаковский, Отчет о раскопках в Ольвии в 1924 г. СГАИМК, т. I, 1926, стр. 158 сл., рис. 18. В Государственном Эрмитаже ольвийские облицовочные плиты хранятся под номерами: инв. № ОЛ. 137720, 15703—15705. Одна сима находится в витрине Ольвии, экспозиция. В негативе фотоархива ЛОИА хранится отпечаток такой же точно терракотовой плиты из раскопок Б. В. Фармаковского 1924 г. — альбом 0100, № II 190304, рис. 27. Другая совершенно аналогичная неизданная плита находится в Николаевском краеведческом музее — 6/№.

⁸¹ G e r k a n, Kalabaktepe, Athenatempel..., стр. 19—21, рис. 11—12.

⁸² Эрмитажные плиты, изданные В. М. Скудновой, до десятых миллиметра соответствуют размерам милетской симе — В. М. Скуднова, Из неизданных материалов Ольвии VI — V вв. до н. э., СА, XXIX — XXX, 1959, стр. 251 сл., рис. 3, обе фотографии ошибочно перевернуты, разделительные стержни ионийских ов должны быть всегда направлены стрелками вниз.

⁸³ G e r k a n, Kalabaktepe, Athenatempel, стр. 21, рис. 13.

⁸⁴ Там же, стр. 16, рис. 8; К а р а с е в, Монументальные памятники..., стр. 56.

⁸⁵ G e r k a n, Kalabaktepe, Athenatempel, стр. 16; К а р а с е в, Монументальные памятники..., стр. 41.

также из Ольвии. Одна из них побывала во вторичном использовании — она служила посвящением Аполлону Простату; экспонируется в Эрмитаже в зале Северного Причерноморья⁸⁶. Узкая сторона плит моделирована пальметтами, окантованными толстыми валиками и разделительными стержнями, увенчанными цветками лотоса. В функциональном назначении плит нет никаких сомнений. Круглые сферические луники на верхней сглаженной поверхности характерны для перекрывающих плит алтаря. Как справедливо отметила М. М. Кобылина, орнамент плит имеет хорошую аналогию в известной дидимейской кашителл анта⁸⁷, поэтому они не могут быть датированы позже второй половины VI в. до н. э. Из этого следует, что плиты украшали алтарь более раннего времени, чем основные постройки священного участка V в. до н. э. Возможно, что этому же алтарю принадлежал угловой мраморный акротерий, состоящий из волюты и сходящихся под прямым углом пальметт⁸⁸.

Прежде чем перейти к общему описанию ольвийского теменоса, необходимо остановиться на сопоставлении открытых там архитектурных памятников с найденными там же надписями. Наиболее ранние посвятельные дары Аполлону Дельфинию, найденные рядом с фундаментами храма, относятся к V в. до н. э.⁸⁹ Как показали археологические раскопки, храм Аполлона существовал по крайней мере с начала V в. до н. э. Однако первые упоминания самого храма и основная масса упоминаний жрецов храма Аполлона в надписях приходится на вторую половину III и II в. до н. э.⁹⁰

С некоторым опозданием, в основном с IV в. до н. э., сообщают надписи на камнях о существовании в Ольвии культа Зевса⁹¹ верховного божества олимпийского пантеона, хотя памятники керамической эпиграфики, найденные на территории теменоса, сохранили большое количество посвящений Зевсу, датируемых двумя веками раньше⁹².

О существовании в Ольвии алтарей и святилищ классического времени свидетельствует договор Милета и Ольвии из милетского Дельфиниона. В этой надписи, датированной 30-ми годами IV в. до н. э., милетским гражданам дается право посещать святилища и приносить жертвы на алтарях Ольвии наравне с ольвиополитами⁹³.

Подводя итог сопоставления открытых в Северном Причерноморье памятников с лапидарной эпиграфикой, следует отметить, что заметное отставание свидетельств лапидарной эпиграфики вообще характерно для архаического и классического времени, как это было отмечено на примерах храма Аполлона в Пантикапее. Этот вывод подкрепляется и на материалах храма Аполлона Дельфиния в Ольвии.

Реконструкция облика храмового окружения в Ольвии, сделанная А. Н. Карасевым в виде описания с графическим воспроизведением, послужит методологической основой для подобных работ в случаях, когда известен план священного участка. А. Н. Карасев дал такие описания для каждого хронологического периода. Позволим

⁸⁶ Б. В. Фармаковский, Ольвия, ИАК, 33, 1909, стр. 116, рис. 16.

⁸⁷ Кобылина, Милет, стр. 179, рис. 65 и 36.

⁸⁸ Скуднова, ук. соч., стр. 248, рис. 1, 2.

⁸⁹ НО, № 55, 56, 58—60.

⁹⁰ НО, № 26, 29, 30, 35, 36.

⁹¹ IOSPE, I², № 25, возможно, и НО, № 71. Как сообщил мне Ю. Г. Виноградов, культ Зевса в Ольвии засвидетельствован лапидарными памятниками Ольвии гораздо раньше: по его мнению, с конца VI — начала V в. до н. э. — НО, № 64 и во второй половине V в. — НО, № 106. До настоящего времени эти надписи не были прочтены из-за фрагментированности памятников.

⁹² Левин, Материалы..., стр. 138, 140, 151, 154, 156, 160, рис. 8; К. С. Гобунова, Краснофигурные килики, «Ольвия», стр. 175, рис. 4.

⁹³ SIG³, № 286, стр. 2—5. Помимо культов Аполлона, Зевса и Афины относительно ранним временем датируются посвящения богам Самофракийским (НО, № 67; IOSPE, I², № 191), но археологических данных о святилище этих божеств пока нет. Отсутствуют также твердые данные о том, существовали ли в Ольвии храмы Афродиты Понтии (НО, № 68) и Гликеи (НО, № 69), так как единственный из упомянутых жрецов — Агрот, сын Днонисия, так же как и его отец (IOSPE, I², № 181), возможно, будучи жрецом Аполлона — главного божества города, делал приношения другим богам — алтарь и золотой венец Афродите Понтии (НО, № 68), а также дар диадемы Плутону и Коре (НО, № 70).

привести их в сокращенном виде. «В VI в. до н. э. небольшие, по-видимому, очень примитивные культовые сооружения стояли на свободной, открытой площади. Основную культовую роль играла священная роща, фависы и квадратное в плане здание $4,8 \times 4,8$ м, связанное с культом, но был ли это храм — сказать трудно, — пишет А. Н. Карасев. — Вход прямоугольной постройки, ориентированной на запад, вел прямо на каменную дорожку длиной в 20 м, которая шла к священной роще. Здание, очевидно, имело большое значение, так как после коренного переустройства теменоса оно строится заново, полностью повторяя старую форму и размеры»⁹⁴. Обращают на себя внимание четыре крупных углубления в материке, по справедливому мнению А. Н. Карасева, культового назначения⁹⁵. Рядом с рощей было открыто прямоугольное жилище с очагом и около 10 ям, расположенных по границам теменоса. Заполнение в углублениях — фависах и ямах посвятивательными дарами Аполлону Дельфинию, Зевсу и Афине в виде очень хорошо датированной расписной керамики определяет время первого строительного периода в рамках всей второй половины VI в. до н. э.⁹⁶

В самом начале V в. до н. э. на теменосе возводятся ордерные постройки, поэтому облик священного участка меняется. Появляется ограда теменоса со входом в восточной части, оформленным в виде небольших пропилей. При входе на священный участок взгляду открывался целый архитектурный ансамбль. Площадь теменоса замощена щебнем, к храмам ведет сохранившаяся до настоящего времени мощеная дорожка. Справа, т. е. в северной части, на фоне небольшой священной рощи выделялись две ордерные постройки: храм Аполлона Дельфиния, реконструированный А. Н. Карасевым, о котором говорилось выше, и маленький храмик Зевса и Афины, полностью разрушенный при перестройке в III в. до н. э. Слева — в южной части — находилась прямоугольная постройка, а в центре площади теменоса — монументальный алтарь, посвященный трем божествам: Аполлону, Зевсу и Афине⁹⁷. Помимо центрального алтаря из известняковых рустованных плит, в теменосе рядом с ним стоял прямоугольный мраморный алтарь, а рядом с храмом Аполлона Дельфиния были обнаружены два жертвенника. Перед храмом Аполлона стояли вотивные скульптуры и декреты на постаментах, которые открыты в результате раскопок⁹⁸.

А. Н. Карасев подчеркивает нарочитую архаизацию в культовом комплексе Ольвии, основанную на любви ольвиополитов к «героической эпохе». «В то время как во всей Греции в V в. до н. э., — пишет А. Н. Карасев, — возводятся храмы с широким использованием мрамора, а ордера принимают свой законченный классический вид, на далекой северной периферии в Ольвии продолжают возводить храмы, стены которых сложены из сырцовых кирпичей на каменном цоколе, с деревянными колоннами и терракотовыми облицовками местного производства»⁹⁹.

Сильная архаизация, характерная для ольвийского храма, увязывается и с другими культовыми зданиями Северного Причерноморья (VI—V вв.), открытыми на о-ве Березань и в Нимфее, в которых следует отметить то же тяготение к старой примитивной традиции. Об архитектурном облике двух культовых построек, открытых на Березани¹⁰⁰, и одной в Нимфее¹⁰¹ можно судить лишь предположительно, так как при хорошей сохранности планов нет существенных данных об ордере декоре этих сооружений. Они заслуживают упоминания, так как в плане все три памятника представляли собой апсидальные храмы — наиболее примитивный тип культовых построек, характерных для материковой и островной Греции геометрического и раннеархаического

⁹⁴ Карасев, Монументальные памятники..., стр. 32—34.

⁹⁵ Там же, стр. 32, рис. 4, I—IV.

⁹⁶ Леви, Материалы ольвийского теменоса, стр. 131—166; Горбунова, Краснофигурные килики из раскопок ольвийского теменоса, стр. 175—187.

⁹⁷ Карасев, Монументальные памятники..., стр. 86.

⁹⁸ Там же, стр. 73, 69.

⁹⁹ Там же, стр. 69.

¹⁰⁰ В. В. Лапин, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Киев, 1966, стр. 118—119. Первая постройка, шириной в 10 и длиной более 20 м, была открыта на полосе VIII Г. Л. Складовским. Вторая — шириной 5,5, длиной около 20 м — В. В. Лапиным в 1963—1967 гг.

¹⁰¹ М. М. Худяк, Из истории Нимфея, Л., 1962, стр. 18—23, табл. 7, 9—11.

кого перлюдов¹⁰². Фасад этих сооружений представлял собой храм в антах, завершенный треугольным фронтоном. Противоположная сторона со сплошной стеной апсидальной формы завершалась вальмовой кровлей. Факт применения одного из ранних композиционных видов говорит о длительном бытовании примитивных форм греческих культовых зданий наряду с новыми. Вместе с тем это первое наиболее раннее свидетельство об архаизирующей тенденции, которая прослеживается на всем пути архитектуры Северного Причерноморья.

Сохранившиеся остатки фундаментов стратиграфически перекрывающих друг друга святилищ Деметры на Нимфее¹⁰³ дают нам в плане небольшие прямоугольные постройки площадью 10 м², по типу близкие терракотовым моделям¹⁰⁴ и изображениям ранних наиболее примитивных культовых сооружений на чернофигурных чашах¹⁰⁵. В таком небольшом святилище мог помещаться, кроме фавис, деревянный или терракотовый ксоан божества. Основную культовую роль при обрядах играли, по-видимому, расселина в скалах, алтари и жертвенники, находящиеся неподалеку. От ордерной декорировки святилищ дошли терракотовые облицовочные плиты, терракотовые симы и акротерии¹⁰⁶.

Культовые комплексы Нимфея и Березани являют собой образцы храмов, построенных в небольших античных поселениях и городках Северного Причерноморья.

Подводя итог изучению архитектуры архаического и классического периодов, необходимо отметить, что с самого начала жизни античных поселений в Северном Причерноморье священные участки, по-видимому, не имели архитектурного оформления. Основную культовую роль играли рощи, расселины, фависы и алтари. Но уже с конца VI — начала V в. до н. э. в культовом строительстве начинают применяться постройки и ордерные детали двух типов. К первым относятся деревянно-сырцовые ордерные сооружения с терракотовыми облицовками: апсидальные здания Березани и Нимфея, храмы в антах Ольвии и Нимфея. Эти постройки, возведенные в старой архаической традиции, могли быть выполнены и местными архитектурными силами, ориентированными на малоазийское зодчество. Новые архитектурные достижения эллинистического мира нашли отражение во втором типе значительно более монументальных сооружений, какими можно считать ионийский периптер храма Аполлона и дорический храмик в антах в Пантикапее, монументальный алтарь в Ольвии, а также памятник, от которого сохранился барабан ионийской колонны с острова Левка. Монументальные постройки свидетельствуют о мощном экономическом потенциале строителей уже на рубеже VI—V вв. до н. э. Не вызывает сомнения, что они были осуществлены под руководством архитектора опытными каменотесами, знакомыми с лучшими достижениями эпохи.

Одновременное применение примитивных (апсидальных) и развитых (периптерных) форм и конструкций (деревянно-сырцовых и каменных) является характерной особенностью греческого культового строительства только архаического периода¹⁰⁷, но в Северном Причерноморье это сосуществование распространяется на всю первую половину V в. до н. э.

По данным письменных источников и архитектурных материалов, открытых раскопками, памятники архаического и классического времени в Северном Причерноморье, возведенные в ордере, были трех типов. К отдельно стоящим культовым комплексам относятся: святилище Ахилла на острове Левка, Девы на мысе Парфений и

¹⁰² C. Weicker t, Typen der archaischen Architectur in Griechenland und Kleinasien, Augsburg, 1929, стр. 7—11, 18—21, 80, 125.

¹⁰³ Худяк, ук. соч., стр. 42—53, табл. 30, 35, 36.

¹⁰⁴ K. Müller, Gebäudemodelle spätgeometrische Zeit, AM, 48, 1929, стр. 52; V. Svoronos — Hadimichalis, L'évacuation de la fumée dans les maisons grecques de V^e et IVe siècles, BCH, 80, 1956, 2, рис. 13.

¹⁰⁵ Charbonneau, Martin, Villard, ук. соч., рис. 82, 94.

¹⁰⁶ Худяк, ук. соч., табл. 19, 1; 23.

¹⁰⁷ В. Д. Блаватский, О развитии эллинистического храма, «Сборник Гаврил Кацаров», ИБАИ, кн. XVI, 1950, стр. 70.

Апатур близ Фанагории. К ним можно отнести и святилище Артемиды на берегу Ахтанзовского лимана. Эти основные святилища пока не раскрыты. К городским храмам, стоящим на огороженной площади, относятся архитектурные комплексы Ольвии, Нимфея и Пантикапея. К третьему типу относятся святилища, стоявшие в самом городе, таковы храмы апсидальной формы на Березани и в Нимфее.

Сопоставление литературных и эпиграфических материалов с раскрытыми памятниками показывает, что в настоящее время открыта лишь незначительная часть ордерной архитектуры Северного Причерноморья. Планомерные исследования античных городов, так же как локализация и специальный целенаправленный поиск священных участков, дадут много нового материала.

Можно утверждать, что строительство почти всех ордерных памятников осуществлялось под руководством малоазийских архитекторов и местными архитекторами малоазийской ориентации, так как все изученные архитектурные материалы VI—V вв. в Северном Причерноморье находят полные стилистические и конструктивные аналогии в милетско-самосском регионе.

Как показали аналогии, примитивные памятники, построенные в архаической традиции, так же как и монументальные, являются отражением духовных и художественно-культурных связей Причерноморья с Малой Азией.

Превалирование памятников понтийского ордера, малоазийская ориентация архитекторов и строителей вплоть до середины V в. до н. э. объясняется этническим составом населения, экономическими, а также по всей видимости, и политическими контактами полисов Понта Эвксинского с Ионией.

Тесная связь северопричерноморского зодчества с архитектурными школами Малой Азии прослеживается в течение всей последующей жизни городов Северного Причерноморья. Наряду с этой традицией с середины V в. до н. э. на понтийской архитектуре сказывается влияние афинской школы, общееэллинского искусства, порожденно-установлением политической гегемонии Афин.

И. Р. Пичикян

«ORDER» ARCHITECTURE IN THE NORTH BLACK SEA REGION,
6th-5th CENTURIES B. C.

by I. R. Pichikyan

The author bases his study for the most part on unpublished material. From surviving column base, capital and subcornice blocks it has been possible to reconstruct the monumental temple built in Panticapaeum in the first half of the 5th century. Professor V. D. Blavatsky's plan of reconstruction is completed and graphically executed by the author with the aid of the module system and comparison with the proportions of Mediterranean architectural monuments. A marble frieze depicting Apollo and three dedicatory inscriptions bearing the names of priests of Apollo belong to the same temple. The monumental size of the temple testifies to the very considerable economic potential of Panticapaeum at this early date. As an example of rough-worked wooden support-beam construction the author cites the temple of Apollo Delphinus in Olbia. These structures, primitive in composition and decoration, were built in the early archaic tradition at the beginning of the colonisation period. The author publishes all surviving details of «order» architecture as material for reconstructing an overall architectural picture for the North Pontic area in the period under review. From a Doric architrave the author worked out a scheme for reconstructing a small temple with antae, similar in type to the Treasury of the Athenians at Delphi. A polychrome archaic volute is identified as an altar capital on the basis of similar forms depicted on vases. A huge limestone column drum of the Ionic order from the island of Leuke formed part of a dedicatory column. In all these monuments of the North Black Sea region, which belong to the period before the middle of the 5th century, the author traces affinities with the Milesian and Samian schools and notes the general Asia Minor orientation of the architects and the predominance of the Ionic order. This fits in with the ethnic composition of the population and the political orientation of the city-states bordering the Black Sea.